

Д.Н.Гумилев

В ПОИСКАХ
ВЫМЫШЛЕННОГО
ЦАРСТВА

Лев Гумилев

В поисках вымышленного царства

«ФТМ»

Гумилев Л. Н.

В поисках вымышленного царства / Л. Н. Гумилев — «ФТМ»,

Книга, предлагаемая вниманию читателей, не укладывается ни в один из принятых в современной научной литературе жанров. Ее нельзя назвать научно-популярным очерком в полном смысле слова, несмотря на то, что она написана в популярной форме и рассчитана на широкий круг читателей. Она популяризирует, однако, не результаты сугубо научных, академических исследований, написанных для узкого круга специалистов, а совершенно новое исследование, которое содержится в ней самой <... > ... популярная форма, а главное – метод исследования автора коренным образом отличаются от формы и метода монографий. Книгу Л. Н. Гумилева скорее всего можно назвать научным трактатом в средневековом смысле слова. Можно ли считать такой давно вышедший из употребления жанр подходящим для современного научного исследования? Ответ на этот вопрос дает сама книга.

Содержание

Предисловие	5
Трилистник письменного стола	8
Глава I. Преодоление филологии	8
О чтении книг	8
Аутентичная ложь	8
Возникающие трудности	10
Поиски путей исследования	13
А теперь о синтезе	14
Глава II. Выход в географию	17
Страна и народ	17
Вода и воздух	18
Дорога к истине	20
Глава III. Путь через историю	22
На рубеже китайской стены	22
Степное византийство	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лев Николаевич Гумилев

В поисках вымышленного царства

Предисловие

Книга, предлагаемая вниманию читателей, не укладывается ни в один из принятых в современной научной литературе жанров. Ее нельзя назвать научно-популярным очерком в полном смысле слова, несмотря на то, что она написана в популярной форме и рассчитана на широкий круг читателей. Она популяризирует, однако, не результаты сугубо научных, академических исследований, написанных для узкого круга специалистов, а совершенно новое исследование, которое содержится в ней самой и которое публикуется впервые. Казалось бы, это обстоятельство роднит ее с монографией, поскольку изложение материала в ней подчинено одной теме – теме исследования. Но популярная форма, а главное – метод исследования автора коренным образом отличаются от формы и метода монографий. Книгу Л. Н. Гумилева скорее всего можно назвать научным трактатом в средневековом смысле слова.

Можно ли считать такой давно вышедший из употребления жанр подходящим для современного научного исследования? Ответ на этот вопрос дает сама книга.

За последние полтора столетия развитие научной мысли шло по пути дифференциации наук. Единые прежде отрасли научных знаний дробились, и их части все дальше и дальше отходили друг от друга. Так, история отделилась от географии и филологии. Затем она распалась на ряд специальностей, связанных с определенными ареалами территории и хронологическими отрезками времени. От нее отпочковались источниковедение, история религии, история культуры, этнография и целый ряд других дисциплин, имеющих тенденцию стать самостоятельными отраслями знания. То же самое происходит и с другими науками.

Такой процесс развития науки вполне закономерен. Он принес свои плоды. Но теперь все более и более дает себя знать необходимость научного синтеза, необходимость использования достижений самых различных научных дисциплин. Новые научные открытия в наше время все чаще и чаще делаются не в какой-либо определенной отрасли знания, а на стыке наук. Автор данной книги как раз и столкнулся с необходимостью использовать при исследовании данные различных разделов истории, источниковедения, физической географии, климатологии и криминалистики. Каждая из этих наук имеет свои собственные методы исследования, отличные друг от друга, так что форма монографии оказалась для избранной автором темы непригодной. Но зато трактат позволил вместить и синтезировать весь необходимый материал.

Своеобразие темы сказалось и на композиции книги. Автор сознательно отказался от принятого в научных исследованиях порядка начинать работу с обзора и критики источников. Для того чтобы подвергнуть критике источники по данной теме, необходимо, чтобы читатель был знаком в общих чертах с историей описываемой эпохи, чтобы он сам почувствовал, где в этой общей картине исследователь сталкивается с «белыми пятнами» и противоречивыми сведениями. Без таких предварительных знаний нельзя дать настоящую и полноценную критику важнейших источников. Более того, без этого в них вообще нельзя разобраться. Поэтому Л. Н. Гумилев берется за источниковедческий анализ лишь во второй части книги, чтобы затем снова вернуться к общей картине и заполнить те «белые пятна», которые были обнаружены при изложении ее в первой части книги. Следует признать, что такой ход исследования, несмотря на его необычность, является не только вполне оправданным, но и единственно возможным.

В книге много места уделено разбору целого ряда религиозных систем, с которыми автору пришлось столкнуться в ходе исследования. Такое внимание к религиозной истории тоже связано со своеобразием темы. Автор разбирает религиозные системы не с догматической и не

с социально-экономической сторон. Он связывает их с этнографией народов Великой степи и использует как индикатор тех глубинных подспудных процессов исторического развития, которые выступали на поверхности истории в религиозной оболочке.

Книга носит заглавие «Поиски вымышленного царства». На первый взгляд речь идет о разборе исторического курьеза, каковым и было царство пресвитера Иоанна. Но за этим курьезом скрывалась целая эпоха в истории кочевых народов Центральной Азии, полная важных и драматических событий, результаты которых оказали огромное влияние на весь ход всемирной истории. Эти события породили легенду о пресвитере Иоанне и его царстве; они и являются объектом исследования. Речь идет об истории Великой степи от распада Тюркского каганата в VIII в. до образования монгольской империи в первой половине XIII в.

Перу Л. Н. Гумилева принадлежат книги «Хунну» и «Древние тюрки», в которых систематически и подробно изложена история центральноазиатских кочевников с древнейших времен, доступных исследованию, до IX в. Настоящая книга является прямым продолжением этих работ. В ней освещается самый темный и малоизученный отрезок истории кочевых народов, вскрываются процессы, приведшие к возникновению монгольской империи, и история появления самого «потрясателя вселенной» Чингисхана.

В исторической литературе принято считать Великую степь чем-то единым, а всех кочевников изображать на одно лицо. Трактат Л. Н. Гумилева, как и его предшествующие работы, упомянутые выше, кладут конец подобным представлениям. Степь имела свою историю, не менее напряженную и полнокровную, чем история, скажем, Европы или Ближнего Востока. Кочевые народы в ходе своего развития создали оригинальный тип общества и культуры, которые отнюдь не являются ни застойными, ни примитивными. Каждый кочевой народ имел свое неповторимое лицо, свои индивидуальные черты, которые автору удалось показать на страницах настоящей книги.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о методе исследования Л. Н. Гумилева. В смысле быстроты получения надежного результата он относится к существующим методам, как алгебра к арифметике. Для того чтобы обычными методами достичь того, что сделано в данной книге, пришлось бы написать минимум четыре монографии, доступные только узкому кругу специалистов, и затратить на это всю жизнь. Метод Л. Н. Гумилева позволил избежать такой траты сил, которая привела бы примерно к тому же результату. Он вкратце может быть охарактеризован как применение исторической дедукции к накопленному материалу в отличие от общепринятого индуктивного метода.

Последний метод, безусловно, необходим и хорош, когда речь идет о накоплении материала. Но он оказывается бессильным при создании обобщенной исторической картины, особенно тогда, когда имеющиеся в распоряжении науки источники немногочисленны и разрозненны. В таких случаях индуктивным путем просто невозможно решить задачу.

Л. Н. Гумилев не случайно избрал для своего исследования жанр трактата. Этот жанр позволил ему применить методiku и достижения целого ряда наук для решения поставленной задачи. Используя стереоскопический метод исследования, образно названный им взглядом из мышиной норы, с высоты кургана и с высоты птичьего полета, а также широкую историческую панораму от берегов Атлантики до волн Тихого океана, он получил данные, которые имеют значение не только для истории, но и для этнографии, археологии, физической географии, почвоведения, климатологии.

Эта методология применяется автором не впервые. Именно благодаря ей автору удалось открыть Хазарию и выяснить климатическую историю зоны степей Евразии. Поэтому настоящую книгу уже нельзя назвать только историческим исследованием. Она содержит в себе синтез данных целого ряда наук, являясь необходимой ступенью к созданию синтетической науки, которую можно назвать этнологией.

Руденко С. И., профессор

Трилистник письменного стола

Братскому монгольскому народу посвящаю.

Автор

Глава I. Преодоление филологии

О чтении книг

Когда возникает интерес к какому-либо предмету, когда хочется узнать о нем все: и то, что он собой представляет, и как он связан со своим окружением, и какое он имеет значение для меня и моих современников, – то прежде всего ищешь книгу, желательно одну, где бы все это было описано. Надеешься, что, прочтя ее, обретешь покой и сможешь перейти к очередным делам, до тех пор пока демон любознательности не вцепится снова в сердце.

И вот, признаюсь, мне безумно захотелось узнать, как в пустынных степях Монголии внезапно возникла могучая империя Чингисхана, которая через 100 лет так же быстро развалилась. Конечно, я тут же бросился искать книгу, но каково же было мое разочарование: книг оказалось больше, чем я мог бы за всю жизнь прочесть, а ответа на вопрос так-таки и не было.

Мне могут возразить, что я не имею права на такое утверждение, поскольку признаюсь сам, что всех книг не прочел. Но, к счастью, нам осталось наследство от средневековой схоластики – система сносок и ссылок. Читая обзорную работу, по ссылкам легко установить, что откуда переписано. Авторы обзорных работ – люди дотошные. Уж если бы они могли откуда-нибудь списать такое ценное сведение, которое проливают бы свет на причину образования мировой империи, так и списали бы его. Но, к сожалению, его нет! И мне пришлось копаться в текстах самому.

Но и тут меня подстерегали огорчения. Авторы одних источников сообщали о том, что в Азии было большое христианское царство еще до возникновения монгольской империи, а авторы других источников того же времени об этом умалчивали. Я окончательно растерялся. Чтобы удовлетворить свое страстное любопытство, мне пришлось заниматься историей кочевников всерьез, отодвинув на задний план все другие дела.¹¹¹

Но история – дело тонкое. Если просто собрать сведения из разных источников, то они чаще всего противоречат друг другу. Если же отобрать только те, которые между собой согласуются, то они рассыпаются, как стальные шарики, сложенные в виде пирамиды. Надо бы их скрепить, сцементировать, да нечем! И тут я подумал: возьму-ка заведомо правильное суждение, что Чингисхан был и его империя существовала, и заведомо сомнительное, что пресвитер Иоанн царствовал в «Трех Индиях», и сопоставлю их на авось. Вдруг от такого сочетания сама собой получится органическая концепция, поскольку у меня уже появятся положительные и отрицательные величины. Так я и поступил. А теперь пусть судит читатель, насколько удачной оказалась моя попытка.

Аутентичная ложь

В 1145 г. в Западной, романо-германской, феодальной и католической Европе распространился слух, потрясший воображение королей и прелатов, рыцарей и купцов, благородных дам и прекрасных куртизанок, грубых провинциальных баронов и моряков средиземномор-

ских флотов Генуи, Венеции и Пизы – словом, всех, имевших хотя бы косвенное отношение к подготовлявшемуся тогда второму крестовому походу.^[2]

Выдающийся германский историк, автор всемирной хроники «Книги о двух государствах» и исторического труда «Деяния императора Фридриха» (Барбароссы), Оттон Фрейзингенский оставил следующую запись: «... Мы повстречали также недавно рукоположенного в сан епископа Габульского из Сирии... Он рассказал, что несколько лет назад некий Иоанн, царь и священник народа, живущего по ту сторону Персии и Армении, на крайнем Востоке, и исповедующего христианство, хотя и несторианского толка, пошел войной на двух братьев Самиардов, царей Мидии и Персии, и завоевал их столицу Экбатану (?!)... Одержав победу, названный Иоанн двинулся дальше, чтобы прийти на помощь Святой церкви. Однако когда он достиг Тигра и за неимением корабля не смог переправиться через него, пошел к северу, где, как он узнал, река эта зимой замерзает. Но, проведя там напрасно несколько лет, он не дождался мороза и, не достигнув из-за теплой погоды своей цели, был вынужден вернуться на родину, тем более что из-за нездорового климата он потерял многих своих воинов... Кроме того, рассказывают, что он ведет свой род от древних волхвов»¹ (т.е. евангельских волхвов, якобы наблюдавших вспышку Вифлеемской звезды и принесших дары новорожденному Иисусу).

Аналогичные сообщения появились и в других германских хрониках². По-видимому, сообщения о царе-первосвященнике начали рассматривать как реальность^[3]. На легенду narosли новые подробности: появилось письмо пресвитера Иоанна византийскому императору Мануилу Комнину, написанное будто бы на арабском языке и затем переведенное на латинский для папы и императора Фридриха Барбароссы. Арабский оригинал не сохранился, а в дошедшей до нас версии текст письма таков (в сокращении):

«Пресвитер Иоанн, всемогуществом Божиим и властью Господина нашего Иисуса Христа царь царей, повелитель повелителей, желает другу своему Мануилу, князю Константинопольскому, здравствовать и благоденствовать по милости Божией...»³

Уже одно это обращение могло бы насторожить читателя, хотя бы чуть-чуть способного к критике. Иоанн называет своих вассалов царями, а суверенного государя Мануила Комнина – князем Константинопольским. Такое явное неуважение, причем ничем не вызванное, должно было бы иметь последствием не союз и дружбу, а разрыв дипломатических отношений. Но фальсификатор, автор письма, знал свою аудиторию. На католическом Западе унижение византийского православного царя, пусть мнимое, было воспринято как нечто подразумевающееся и не повлекло за собой недоверия к тексту, что пошло бы только на пользу делу^[4].

Далее, пресвитер Иоанн описывает свою державу, которую называет «Три Индии», причем местом своей столицы называет Сузы^[5]. Только совершенно не сведущий в античной географической литературе читатель мог не заметить, что сам автор письма ничего не понимает в географии.

Понятно, что в Константинополе на эти рассказы не обратили ни малейшего внимания, а западноевропейскому читателю XII в. даже в голову не пришло, что его просто морочат.

Весьма примечательно, что «пресвитер Иоанн» счел долгом описать все живое своего царства, начиная со зверей наиболее экзотичных, с точки зрения европейца: «Слоны, драмадеры, верблюды, Meta collinarum (?), Cametennus (?), Tinsere (?), пантеры, лесные ослы, белые и красные львы, белые медведи, белые мерланы(?), цикады, орлиные грифоны, ... рогатые

¹ «Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum, rec. A. Hofmeister» (Hannover-Leipzig, 1913. P. 365 и след.). Цит. по: Р. Хенниг Неизвестные земли. т. II, стр. 441. (Подробное описание всех использованных работ см. в библиографии.)

² Там же.

³ Там же.

люди, одноглазые, люди с глазами спереди и сзади, кентавры, фавны, сатиры, пигмеи, гиганты, циклопы, птица феникс и почти все обитающие на земле породы животных...»⁴.

Откуда автор письма взял этот список? Только из средневековой фантастики, так как этот жанр никогда не умирал^[6]. Кажется совершенно удивительным, что в такую чепуху поверили и верили еще свыше 500 лет, но такова сила слова, заключенного в «аутентичный источник», а письмо именно таким и было^[7]. И поэтому-то папа Александр III 27 сентября 1177 г. выдал длинное послание лейб-медику магистру Филиппу для «царя-первосвященника Иоанна». Посол вместе с письмом был отправлен из Венеции тогда же. Но куда? Место обширного и великого христианского царства на Дальнем Востоке было неизвестно, и все попытки отыскать его не имели успеха. Да иначе и быть не могло – царства восточных христиан не существовало!

Долго не хотели европейцы примириться с разочарованием, но пришлось. Ни в Индии, ни в Абиссинии, ни в Китае не нашлось ничего похожего на столь подробно описанное царство Иоанна. В XIX в. историкам осталось лишь объяснять причины фальсификации и легковерия предков. Но ведь методика исторической критики и сейчас не всегда принципиально отличается от средневековой, а кроме того, как истина, так и ложь всегда смешаны между собою, хотя и в разных пропорциях.

Дыма без огня не бывает, и теперь уже нет никаких сомнений в том, что причиной слуха было действительное событие: разгром войск сельджукского султана Санджара ополчением центральноазиатских племен, объединенных киданьским гурханом Елюем Даши на Катванской равнине в 1141 г.⁵. Вероятно, несториане были и среди кочевников, но сам Елюй Даши если и имел определенные религиозные симпатии, то только к буддизму. До Тигра его войска не доходили, да и не стремились дойти, царство его было небольшим, охватывавшим только Семиречье, часть Джунгарии и южные склоны Алтая; имени Иоанн среди киданьских владений не зафиксировано, и ничего похожего на пышный вымысел средневековых европейцев⁶ в Азии не обнаружено. И тут встают сразу две большие проблемы: 1) что же было на самом деле? 2) поскольку аутентичный источник дает заведомо ложные сведения, то имеем ли мы право вообще доверять источникам, а если нет, то как нам добыть сведения достоверные? Вот на эти два вопроса мы и постараемся ответить нашей книгой.

Возникающие трудности

На наше счастье, история средних веков неплохо разработана нашими предшественниками. Это надо понимать в том смысле, что установлена последовательность большинства событий политической истории, датированы войны, договоры, дипломатические и династические союзы, законодательные акты и социальные реформы. Иными словами, уже имеется канва, на которую можно нанести тот или иной узор и воспользоваться ею для того, чтобы опровергнуть или поставить под сомнение сведения, нелепость которых бросается в глаза; в том числе и рассказ о «первосвященнике-царе Иоанне».

⁴ Там же.

⁵ Литература по проблеме «первосвященника Иоанна» огромна, но уже потеряла значение в связи с тем, что проблема эта решена В. В. Бартольдом (О христианстве в Туркестане..., стр. 25. ср.: И. П. Магидович Вступительная статья к «Книге Марко Поло», стр. 5–11). История вопроса дана у Р. Хеннинга (Неведомые земли, стр. 446–461), но автор в комментарии допускает грубые ошибки в истории Центральной Азии, частично отмеченные редактором (стр. 446–448).

⁶ См. подложный текст «письма пресвитера Иоанна» к византийскому императору Мануилу Комнину (1143–1180) (Р. Хенниг, Неизвестные земли, стр. 442–443). О мнимой переписке императора Мануила с «пресвитером Иоанном» упоминается также в древнерусской «Повести об индийском царстве» (Ю. К. Бегунов Памятник русской литературы XII века «Слово о погибели Русской земли», стр. 101).

Но вместе с тем событий так много, что охватить их взглядом или запомнить и удержать в памяти невозможно. Обычно здесь принято идти путем узкой специализации – изучения страны в одну, сравнительно короткую эпоху. Ведь именно этот путь привел средневековых летописцев к принятию абсурдного сведения о Иоанне, сведения, которое не удержалось в арсенале византийской и древнерусской науки, потому что греки и русские, находясь территориально ближе к Азии, знали ее лучше, чем современные им немцы или французы. Следовательно, путь сужения специализации ведет к тому, что на глаза исследователя надеваются щоры и отсутствие перспективы приводит к не меньшим ошибкам, чем недостаточная углубленность.

Затем для нашей темы необходимо самое широкое рассмотрение истории тех стран, где несторианство возникло, развилось и погребло, т.е. почти тысячелетний период истории Азии от Мраморного до Желтого моря^[8]. Удержать же в памяти все события, связанные с интересующей нас темой, возможно только путем помещения их в какую-то систему, специально для этой темы приспособленную. А поскольку такой системы нет, то надо ее изобрести, помня одновременно, что назначение ее чисто вспомогательное. Нужный для вывода материал можно получить двумя путями: 1) непосредственно из источников, т.е. сочинений современников событий, и 2) из сводной исторической литературы XIX–XX вв. Второй способ имеет ряд преимуществ: он менее трудоемок; критика средневековых текстов и версий уже произведена, и повторять ее без достаточных оснований не имеет смысла; события сведены в причинно-следственные ряды, что облегчает нашу задачу – интерпретацию, и, наконец, читатель без затруднения может проверить ход нашей мысли и правильность выводов. Но, увы, ограничиваться этим путем нельзя, ибо если бы в историографии все обстояло так благополучно, то не возникало бы проблем, подобных тем, с которыми мы уже столкнулись и столкнемся еще не раз. Поэтому нам придется снова и снова обращаться к источникам не в плане текстологическом или литературоведческом, а на предмет проверки достоверности тех или иных сведений, возбуждающих сомнения или недоверие. Источниковед-филолог стремится ответить на вопрос: что говорит изучаемый автор? А источниковед-историк интересуется: что из сообщаемого автором – правда, что им опущено и как было на самом деле? Разница в аспекте очевидна.

Весьма распространено мнение, что ошибочность или недостаточность вывода объясняется поверхностным изучением источника. Молчаливо предполагается, что имеющиеся в научном обороте источники содержат все, что нужно для совершенного знания предмета. Достаточно лишь предельно точно перевести сочинение средневекового автора и пересказать его своими словами, чтобы любая проблема, связанная с данным сочинением, была решена. Это мнение нигде специально не сформулировано, но бытует как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее пересмотру. При этом упускается из виду, что, слепо следуя источникам, историк только воспроизводит точку зрения древнего автора, а никак не истинное положение дела, которое самому старинному автору бывало зачастую неясно. Критика источников при таком подходе сводится к установлению их аутентичности, а противоречия нескольких, несомненно подлинных, источников составляют барьер, не всегда преодолимый. Да и как его перепрыгнуть, если для этого рекомендуется, допустим в нашем случае, опровергнуть все новые, да и старые исследования по истории Монголии^[9], заново перевести источники с арабского, персидского, греческого, китайского, монгольского, латинского, грузинского и армянского языков, да так, чтобы не повторить ни одного из предшественников и в конце концов выдвинуть еще одну гипотезу, отнюдь не имея уверенности, что она лучше прежних.

Этот путь меня не манил прежде всего потому, что никак не мог набраться смелости заявить, что мои переводы (если бы я их сделал) будут лучше и точнее, чем те, которые были выполнены блестящими и учеными филологами. Наоборот, историк, имея собственную точку зрения, всегда будет подгонять перевод под подтверждение ее. И совершенно безразлично, сознательно ли он выбирает удобные для него варианты или искренне верит, что так

оно и есть. Даже стремление к повышению степени буквальности нецелесообразно, потому что буквальный перевод далеко не всегда самый точный, так как тут опускаются смысловые и интонационные нюансы, значащие в литературном произведении куда больше, чем формы глаголов или синтаксические обороты.

Но самым главным пороком этого метода является то, что исследование предмета подменяется изучением текстов, упоминающих о нем. Ведь нас интересует сама несторианская проблема, а не то, что о ней рассказывали современники.

Факты, отслоенные от источника критикой, редко позволяют уяснить ход событий, потому что всегда многие важные события в источниках бывают опущены, а незначительные выпячены. Примером может служить Ветхий завет Библии. Читая только его, невозможно усомниться в том, что вся история Ближнего Востока в первом тысячелетии до нашей эры вращалась вокруг Израиля и Иудеи. На самом же деле, как мы теперь хорошо знаем, Израиль и Иудея были захолустьями ближневосточного мира, исторические судьбы которого в эпоху определялись совсем другими народами и государствами.

Точно так же из «Песни о Роланде» вытекает, что главным событием первого похода Карла Великого в Испанию в 778 г. были геройская смерть Роланда в неравном бою с маврами. Но, как известно, такого боя вообще не было и Роланд на самом деле был убит в Ронсевальском ущелье басками, а не маврами. Однако такое явное искажение событий не мешает «Песне о Роланде» оставаться первоклассным историческим источником, как не мешает оно оставаться таковым же и «Слову о полку Игореве», хотя описанный в нем поход князя Игоря на половцев в 1185 г. проходил совсем не так, как изложено в «эпосе»⁷[\[10\]](#).

Поэтому необходим анализ, который целесообразно проводить путем синхронистического подбора фактов, благодаря чему легко обнаружить преувеличения и недомолвки источников, а также «белые пятна» в общей картине. Заполнение последних возможно только путем интерполяций, восполняющих на основе причинно-следственных связей первоначальную канву событий, полученную из источников⁸. Степень точности при интерполяциях, естественно, снижается, но допуск невелик и общая закономерность не нарушается, зато в противном случае она теряется вообще. Следующая операция – синтез: сравнение полученной исторической канвы с аналогичными рядами фактов, установленных таким же образом в смежных науках. Синтез – констатация схождения и расхождения и объяснение того и другого, что и является целью исследования.

Итак, методическая цепь четырехчленна: 1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? и что к чему? – заверченный продукт производства.

Спешу договорить, дабы предупредить возможную – нет, неизбежную – критику, основанную на неполном понимании моего подхода. Я не против повторения переводов старинных текстов, даже больше – я за него, но считаю непозволительной роскошью не отдавать себе отчета в том, что именно может принести такая, очень большая и сложная работа. В разных случаях разное. Для изящной словесности повторные и параллельные переводы крайне желательны. Каждый переводчик передает подмеченные им нюансы эстетические, стилистические и смысловые. Тут не может возникнуть дублирования, потому что художественный перевод всегда отличается от подлинника и от аналогичного перевода, особенно сделанного на несколько поколений раньше. Тут и язык – как система ассоциаций и рефлексов – имеет значение, а мы знаем, что наши деды говорили, пусть чуть-чуть, но иначе, чем мы.

Другое дело деловой перевод. Там, где дело не касается терминологии, стилистика не меняет ни смысла, ни значения. В каких бы выражениях ни было сказано о поражении, допустим, русских на реке Калке – факт не изменится и убитые князья не воскреснут. Для нашего

⁷ L. N. Gumilev Les Mongols du XIIIe siecle et le Slovo o polku Igoreve, стр. 37–57.

⁸ Л. Н. Гумилев Роль климатических колебаний...

анализа достаточно такого перевода и даже следует ограничиться именно им, чтобы иметь возможность взвесить все pro et contra беспристрастно.

Что же касается терминов (названий чинов, родов войск, топонимов, этнонимов и т.п.), то в раскрытии их филолог ничем не сможет помочь историку, если тот не разберется сам, опираясь не на этимологию отдельных слов, а на комплекс событий, в описаниях которых эти трудные слова встречаются в разных сочетаниях. Вот поэтому мы и будем рассматривать проблему «попа Иоанна» не как проблему текстов, а как проблему исторической действительности XII в., для которой вопрос о восточном христианстве, как это ни странно, является ключевым вопросом.

Поиски путей исследования

Вопрос о том, как писать «историю», не решен, да и никогда не будет решен. Больше того, в решении его нет необходимости, потому что рецепты здесь идут скорее во вред делу, чем ему на пользу. Совершенно невозможно представить, чтобы два исследователя-современника, занимающиеся одним периодом, даже при полном согласии в трактовке событий и оценке явлений, изложили предмет одинаково, так как каждый из них уделит большее внимание сюжетам, соответствующим его научным интересам. Именно это разнообразие способствует объективному познанию исторического процесса, который предстает перед читателем в разных аспектах и, значит, наиболее полно.

Жанр, стиль и язык исторического повествования определяются тем, к кому обращается автор: к группе ученых-специалистов или к широкому читателю, интересующемуся темой исследования. В первом случае обязателен крайне обстоятельный анализ сложных проблем, решение которых предлагается автором; сокращенное до минимума изложение хода событий, потому что специалистам оно известно; и сухой, деловой язык, ибо центр тяжести перенесен на доказательство и историю вопроса. По существу, такая книга не что иное, как большая статья.

Во втором случае автор уделяет больше внимания историческому синтезу, опираясь на результаты аналитических работ через отсылочные сноски. Повторять аргументацию цитируемых статей нецелесообразно, так как это лишит читателя возможности следить за ходом мысли автора. Изложение развития событий приобретает решающее значение, потому что в нем, как в фокусе телескопа, сосредоточивается осмысление эпохи в целом. Язык допустим образный, подчас эмоциональный.

Наконец, возможен и третий подход – справочный. Далеко не все разделы истории одинаково хорошо известны читателям, в том числе самим историкам. Историческая наука в XX в. так расплодзилась вширь и вглубь, что историк, скажем, итальянского Возрождения оказывается по отношению к истории Индии или Китая просто квалифицированным читателем. Это особенно болезненно отражается при постановке сюжетов, подобных нашему. По кочевниковедению есть огромная специальная литература на многих языках, но нет общих, облегченных сводок, из которых можно без труда извлекать нужные сведения. А ведь это самое главное – легкость получения положительных знаний, позволяющая сосредоточить сэкономленные силы на обдумывание предмета.

Еще за тысячу лет до нас проблема избыточной информации занимала лучшие умы историков, в ряде случаев непревзойденных. Константин Багрянородный^[11], столкнувшись с этой трудностью, писал: «Материал истории дорос до пределов необъятных и неодолимых; поэтому цель работы – соединить выдержки из писателей старых и новых». Этим он хотел сказать, что важным для него является, во-первых, установление факта, причем безразлично, из какого источника автор его почерпнул, и, во-вторых, обнаружение связей данного факта с другими, т.е. нахождение его места в цепи событий. Именно это считал он наукой – историей, а прочее, т.е. историографию, рассматривал как подсобное и не всегда нужное занятие.

Но прежде чем излагать историю страны или народа, надо увидеть ее самому, а смотреть тоже можно по-разному: с птичьего полета, с вершины холма, из мышинной норы. В каждом случае мы что-то заметим, а что-то упустим, но совместить все три уровня рассмотрения невозможно. Следовательно, приходится выбирать тот, который нам нужен в данный момент.

Итак, при историческом анализе лучше всего применять все три метода, так как ни один из них не заслуживает предпочтения, а просто отвечает на разные вопросы. Предлагаемый здесь подход не что иное, как анализ, т.е. «расчленение», необходимое для того, чтобы распутать неясные места в истории и потом перейти к синтезу, когда учитываются результаты разных методик исследования. Только таким путем можно вырваться из прокрустова ложа заданной схемы, не впадая в мелочеведение, при котором теряется сам предмет исследования – ритмы Всемирной истории.

А теперь о синтезе

Звездное небо наблюдают в телескоп; женский профиль – простым глазом; насекомое – в лупу; каплю воды – в микроскоп. А как мы наблюдаем историю? Горько сказать, но большая часть бесплодных споров происходила оттого, что исторические процессы хотели видеть одним глазом с уменьшением, допустим, в 1000 раз, а другим – с увеличением примерно в 850 раз, простоудушно полагая, что таким образом будет достигнуто какое-то среднее искомое приближение. Не отсюда ли многовековой спор между методиками, школами, подходами и т.д.? Представим себе, что в нашем распоряжении есть историоскоп, прибор с масштабной шкалой, содержащей градацию степени приближения. Попробуем поставить окуляр на приближение – № 1 (самое общее).

Мы увидим огромную спираль – путь исторического развития. Нижний ее конец теряется в густых лесах, окаймлявших языки наплывавшего ледника, в пещерах, где высокие смуглые люди делили тушу мамонта, разрезая мясо кремневыми ножами. Ниже витки спирали расплываются и просматриваются только отдельные ее отрезки со смутными абрисами гоминоидов: неандертальца, синантропа и других порождений природы. Верхний конец уходит в будущее, которое представляется нам как полное торжество человека над природой, но описывать его я не берусь, предоставляя это занятие авторам научно-фантастических романов. Наша письменная история – всего один виток этой гигантской спирали.

В первом приближении мы наблюдаем три нити закономерности общечеловеческого развития: демографический взрыв, технический прогресс и смену социально-экономических формаций. Рост населения за последнюю тысячу лет идет по восходящей кривой. У рубежа нашей эры население Земли насчитывало от 250 до 350 млн. человек; в 1650 г. – около 545 млн.; в 1800 г. – приблизительно 906 млн.; в 1900 г. – 1,6 млрд.; в 1950 г. – 2,517 млрд. и к 2000 г. должно достигнуть 6 млрд. человек. При этом замечено, что прирост населения особенно велик не в странах изобилия плодов земных, а там, где ощущается их недостаток⁹. Очевидно, здесь не функция роста цивилизации, а имманентный закон, присущий человечеству как виду.

Технический прогресс на таких отрезках времени несомненен. Он перерастает рамки социальных отношений и становится фактором антропогенного преобразования ландшафтов земной поверхности. Исчезли и исчезают целые виды животных, распространяются виды культурных растений, например пшеница, картофель, кофе, вытесняя естественные геобиоценозы. Загрязняются промышленными отходами пресные воды, и даже начинает изменяться состав атмосферы. Прогресс – как огонь: он и греет и сжигает. Социальное развитие описано достаточно подробно, и нет надобности повторяться. Изучение этих ритмов – достояние все-

⁹ И. Забелин. «Человечество – для чего оно?», стр. 172–174.

мирно-исторической методике. Культурно-историческая школа по отношению к этим закономерностям бессильна. Она просто их не замечает, так как ее диапазон узок.

Сдвинем наш окуляр на приближение № 2. Сразу пропадет спираль и останется только один ее виток длиной около 5 тыс. лет, который будет восприниматься как прямая линия. Но эта линия прерывиста, как будто она состоит из переплетения разноцветных нитей, концы которых заходят друг за друга. Это те самые исторические культуры, которые то и дело сменяют друг друга, веками сосуществуя на поверхности планеты Земля. Так, заря Эллады, когда базилевсы с дружинами разоряли Трои, – XII в. до н.э. – по времени совпала с закатом Египта и началом упадка могущества Ассирийского царства и Вавилонии. Так, при агонии золотой Византии – XIII в. н.э. – возносились знамена франкских рыцарей и бунчуки монгольских богатырей. А когда изнемогал от внутреннего кризиса средневековый Китай – XVII в., – тут же поднялся трон маньчжурского богдыхана, вокруг которого объединилась Восточная Азия. И каждый из этих подъемов был связан с явлениями этногенеза – появлением новых народов путем коренного преобразования прежних. Тут уж нельзя говорить об одном процессе. Наоборот, наблюдается переплетение разных процессов с инерционной кривой развития: быстрый подъем, короткая стабилизация в зените и постепенный упадок, за которым иногда следует полное исчезновение данного этноса. Именно об этих явлениях говорили Ибн Халдун и Джан Баттиста Вико^{12}.

Сдвинем рычаг историоскопа на приближение № 3 и увидим только одну культуру, переживающую свою юность, зрелость и старость. Перед нами предстанет картина социальной борьбы. В древнем Риме шла борьба патрициев и плебеев, затем – оптиматов и популяров, потом – Сената и легионеров^{13}. В Италии это будет борьба лангобардов с местным населением, переоформившаяся затем в борьбу гibelлинов и гвельфов и, наконец, в войны итальянских городов между собою. В Монголии будет война дружинников Чингисхана против племенных вождей кераитов, меркитов и найманов. В Арабском халифате соперничество кайситов и кельбитов сменилось войной Аббасидов против Омейядов, потом карматов против мусульман и в конце концов турок против всех остальных. Но каждая культура будет видна отдельно, все остальные окажутся для нее только фоном, объясняющим отдельные события политической истории, но не собственные ее ритмы.

При приближении № 4 мы увидим уже не всю историю культуры как целого, а только отдельную эпоху. Социальные противоречия станут расплывчаты, а отчетливы и выпуклы характеры и судьбы отдельных людей. Тогда историк будет говорить о необузданности Марии, железной воле Суллы, легкомыслии Помпея, предусмотрительности Цезаря, влюбчивости Антония и расчетливости Октавиана. История будет казаться поприщем для соперничества великих людей, хотя известно, что сама идея обманчива. Фоном станет эпоха, которую рассматривали в предыдущем приближении как основную и конечную цель изучения. Но это еще не предел.

Возможно еще приближение № 5, при котором в поле зрения оказывается один человек. Как ни странно, это приближение используется очень часто. Если этот человек Пушкин – возникнет пушкиноведение, если Шекспир – шекспирология, Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой. Шкала историоскопа исчерпана.

Вот к какому решению привел анализ всемирно-исторического материала для ответа на вопрос, поставленный в начале сочинения: как понять историю царства пресвитера Иоанна на фоне Всемирной истории? Какое приближение отвечает нашим задачам и как его следует применить к делу?

Приближение № 1 явно не может быть использовано, потому что интересующее нас столетие будет казаться точкой на бесконечно длинной кривой. А, как известно, описать точку невозможно, потому что она имеет место в пространстве, но не имеет формы. Кроме того, методы, применимые при первом приближении, как-то: образование рас первого порядка

(негроидов, европеоидов и монголоидов), открытие добывания огня, изобретение письма, применение металла и т.п., образуют такие эпохи, для которых появление ложного слуха, вроде того, какой интересует нас, явление отнюдь не соразмерное.

Перейдем к приближению № 2. Здесь уже есть на что обратить внимание. В XII в. наблюдается причудливое переплетение различных культур, непохожих друг на друга и избегающих сходств, даже в виде заимствований. Западная Европа, разъединенная политически, воспринимает себя как единство, целостность, называя себя «христианским миром», куда не включает схизматиков: греков и русских. Та же картина в странах ислама: политическая раздробленность ничуть не мешают культурному единству, противопоставляющему себя и «франкам», и грекам, и «неверным туркам», под которыми понимались все кочевники Евразии, включая венгров и монголов. Китай был в XII в. централизован, но рассматривал как свою периферию царства тангутов – Си Ся и киданей – Ляо. Это была явная натяжка, потому что тангуты больше тяготели к тибетской культуре, а кидани хранили многие традиции кочевого быта, но таково было мироощущение китайцев, уверенность в своем превосходстве над всеми народами всего мира. А сами кочевники? Там, где они не окитаились, или не перешли в ислам, или не стали феодально-католическим королевством, как, например, в Венгрии, они оставались сами собой и, подобно всем перечисленным культурам, ощущали свое единство на фоне политического и бытового разнообразия. Для нашей темы это фон; но что это за картина, если в ней нет второго плана и глубины?

При приближении № 3 мы уже подходим к предмету вплотную. Судьба несторианства как особой ветви культуры, которую можно условно назвать «византийской» (ибо само слово «Византия» – термин условный, потому что средневековые константинопольские греки именовали себя ромеями, т.е. римлянами), будучи прослежена от начала до конца, многое объяснила бы нам, и наша тема оказалась бы лишь ее составной частью. Но тогда нам пришлось бы заодно поднять такие вопросы, которые отвлекли бы нас от нашей проблемы, и поэтому целесообразно перейти к приближению № 4 и рассмотреть только одну эпоху – с 1141 по 1218 г., когда несторианские ханства были завоеваны монголами Чингисхана^[14].

Казалось бы, решение найдено, но, к сожалению, на нашем пути лежит камень преткновения: источники по истории несторианских ханств XII в. слишком скудны. Сохранилось только несколько случайных упоминаний, по которым восстановить ход событий и дать объяснение их невозможно. Поэтому-то эта проблема осталась не освещенной в исторической науке, но мы попытаемся найти выход из положения, кажущегося безнадежным.

Применим «панорамную» методику. Соберем и систематизируем все, что происходило до, после и вокруг «белого пятна», т.е. примем как вспомогательный прием приближения 3, 5; затем, на базе установленных фактов, рассмотрим стимулы поведения отдельных людей, принимавших участие в событиях; это будут приближения 4, 5. Если и таким способом, до сих пор не применявшимся, но мы не получим результатов – тогда опустим руки. Но пока есть надежда на успех – начнем исследование.

Глава II. Выход в географию

Страна и народ

Широкая степь, ограниченная с севера и северо-востока сибирской тайгой, а с юга китайской стеной и горными кряжами Алашаня, Бэйшаня, Куньлуня и Памира, издавна имела постоянное население. Однако государства на указанной территории стали возникать относительно поздно, не раньше IV–III вв. до н.э. Непроходимая каменистая пустыня Гоби отделяла северную часть степи от южной; сношения между ними были немыслимы до тех пор, пока полное освоение лошади не превратило оседлых охотников и скотоводов в кочевых скотоводов-воинов.

До появления кочевого скотоводства культуры возникали по углам степи, там, где сочетание различных ландшафтов давало простор хозяйственной деятельности человека. На всем Саяно-алтайском нагорье преобладает лесостепной пейзаж, причем то лес глубоко врезается в степь, как, например, знаменитая Утукенская чернь на склонах Хангая, то степь углубляется на север, как хакасские степи в верхнем течении Енисея или широкая Забайкальская степь. Изобилие зверя на лесных опушках, рыбы в широких реках и залежей меди и железа в горах позволило древнему обитателю Южной Сибири получить тот избыточный продукт, который необходим для роста культуры. Развитие скотоводства и, главное, коневодства тянуло человека в степь, где широкая практика облавных охот компенсировала его за потерю некоторых навыков трапезства и борьбы с комарами. Северный скотовод тянулся к югу^[15].

На юге-востоке положение было несколько иным. Из большого количества разнообразных племенных групп, обитавших в бассейне Хуанхэ^[16] (жуны, ди, и, ху), особенно усилились китайцы. Они постепенно подчинили и отчасти истребили окружающие их племена, за исключением тех, которые успели освоить кочевое скотоводство и благодаря этому отступить в степь. Таковыми оказались предки монголов дун-ху, тюркоязычные хунны и «западные цяны», предки тибетцев¹⁰.

В жестокой борьбе с растущим Китаем монголы, тюрки и тибетцы сумели отстоять свою свободу и создать культуру, приспособленную к их быту, в то время как «южные варвары» – лесные и горные племена Сычуани, Юннани и Восточного Китая – были почти полностью истреблены или окитаены. Та же участь грозила тюркам и монголам, но они, овладев техникой конного боя и длинных перекочевков, нашли способ избегать губительных китайских вторжений, скрываясь за Гоби и отдыхая в травянистых степях Халхи или Барги, чтобы с новыми силами бросаться в смертную борьбу с китайцами за обладание своей родиной – Ордосом и предгорьями Алашаня или Хингана.

Вековая борьба закалила кочевников и позволила им стать ведущей силой на всей территории Внутренней Азии^[17] в интересующий нас период истории. Поэтому главным предметом нашего исследования будут основанные ими государства и их строй жизни, неповторимый в своем своеобразии.

На юго-западе, на склонах Тянь-Шаня, мы наблюдаем ситуацию, отличную от обеих предыдущих. Пустыня Такла-Макан, занимающая огромную территорию, совершенно непригодна для жизни. Центральная часть Джунгарии покрыта сыпучими песками. Регрессия Балхаша привела к постепенному иссушению прилегающей степи и сокращению пастбищ. Жизнь на этой территории сосредоточивается главным образом в оазисах, тянущихся несколькими

¹⁰ См.: Л. Н. Гумилев Хунну.

цепочками от древнего города Шаша (Ташкент) до оазиса Хами^{18}. Однако в распоряжении кочевников оставалось немало земель, так как им всегда принадлежали горные и предгорные пастбища Тянь-Шаня, долины рек Или, Чу, Черного Иртыша, Тарима и холмистая возвышенность Тарбагатая.

Здесь отношения складывались гораздо более благоприятно для кочевников, чем на востоке. Разобщенные оазисы не составляли единого государства и становились легкой добычей кочевников. Больше того, правители оазисов искали помощи у них против угрожавших им китайцев и арабов. Таким образом, на западе имелись условия для организации наступлений кочевников, но не для развития их на месте. Действительно, племена, оттесненные сюда с востока или возникшие автохтонно, в результате этногенеза, стремились развить широкое наступление на юг, причем объектами нападений становятся попеременно Индия и Персия. Отсюда вышли саки, кушаны, туркмены-сельджуки, карлуки, кыпчаки. Но государства, основанные этими завоевателями, связаны больше с теми странами Южной Азии, которые подпадали под их власть, чем со степью, из которой они вышли.

Хозяевами степей Внутренней Азии были тюрки и монголы. Обе эти – вначале этнические, а потом лингвистические – группы, включавшие в себя много самостоятельных народов, настолько приспособились к степным ландшафтам, их хозяйственная деятельность так тесно сомкнулась с процессами, происходившими в природе, что они стали в известном смысле как бы частью освоенного ими ландшафта, или верхним, завершающим звеном биоценоза степей. Их стада вытесняли диких копытных, лишая их пастбищ и воды из немногочисленных источников. Степные собаки и прирученные орлы истребляли волков, благодаря чему интенсивно размножались овцы – основной скот кочевников в евразийской степи. Таким образом, человек заменил собой крупного хищника, регулирующего обычно в естественных условиях прирост травоядных животных.

Но кочевник не только не потерял способности к коллективным формам общежития, к восприятию чужой и созданию своей культуры и сложных форм организации – родовой, военно-демократической и государственной, но развил эти способности настолько, что на протяжении 2 тыс. лет успешно вел борьбу со своими оседлыми соседями. Соотношение сил неоднократно менялось. Кочевники то ослабевали и попадали под власть оседлых соседей, то набирали силу и в свою очередь покоряли соседние государства и народы. Наблюдалось политическое равновесие между кочевниками и оседлыми народами.

Очевидно, причина здесь, как впрочем, и везде, кроется в экономике. Но экстенсивное кочевое хозяйство зависит только от природных условий, которые на протяжении двух тысячелетий отнюдь не оставались неизменными.

Вода и воздух

Вопрос об усыхании степей Центральной Азии вызвал острую полемику^{19}. За усыхание в исторический период высказались Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. В. Павлов, В. А. Смирнов, В. М. Сеницын и А. В. Шнитников, против – Л. С. Берг, К. Н. Марков и др.¹¹.

Доводы сторонников теории усыхания не были достаточно убедительно опровергнуты Л. С. Бергом, но Э. М. Мурзаев привел некоторые интереснейшие указания, позволяющие по-иному поставить и решить этот вопрос. Он отмечал: «Недавние исследования Чжоу Кэ-чжена, извлекая метеорологические записи из китайских летописей за последние 2000 лет, показали, что можно говорить только о пульсации климата Китая, но никак не о его тенденции к аридному типу»¹². И. А. Ефремов, занимавшийся изучением палеонтологии Гоби, пишет:

¹¹ См.: Э. М. Мурзаев Народная Республика Монголия, стр. 184.

¹² Там же, стр. 188.

«Нужно отметить признаки более сложного хода процесса опустынивания Гобийских районов, чем это предполагалось до сих пор. Наступление аридного климата представляется нам совершившимся недавно. Этот процесс, нужно думать, происходил двумя этапами, с промежутком сравнительного увлажнения между ними»¹³.

Необходимо отметить, что все перечисленные нами исследователи, говоря об усыхании степей, не учитывали несовпадения увлажнения аридной и гумидной зон и потому не достигли окончательных результатов. Введение принципа гетерохронности увлажнения с добавочным коррективом на возможное перемещение путей циклонов в арктическую зону позволяло на историко-археологическом материале проследить климатические колебания с гораздо большей точностью.

Главное воздействие на климат северного полушария, в частности Старого Света, оказывают две воздушные башни. Одна из них стоит над северным полюсом – это полярный барический максимум. Вторая воздушная башня, затропический максимум, высится над Сахарой и Аравией. Она образуется чисто механическим путем за счет вращения Земли, и ее основание постоянно размывается снизу из-за нагревания поверхности пустыни. Если полярный максимум в целом остается неподвижным, то башня затропического максимума постоянно передвигается то к северу, то к югу, в связи с чем изменяется и область низкого давления, представляющая своего рода ложбину, по которой влажный воздух Атлантического океана в виде циклонов течет на континент Евразии. Эти циклоны и являются причиной выпадения осадков на этой территории.

Направление циклонов зависит от степени активности затропического максимума, которая прямо пропорциональна колебаниям солнечной активности, потому что солнечные лучи со всей силой упирают именно в тропические зоны земного шара. Напротив, на полярный максимум колебания солнечной активности почти не влияют, поскольку солнечные лучи лишь скользят по поверхности полярных областей.

В годы спокойного солнца, т.е. при малой солнечной активности, путь циклонов проходит через Средиземное и Черное моря. Северный Кавказ и Казахстан вплоть до горных кряжей Алтая и Тянь-Шаня. Здесь они задерживаются, влага, которую они несут с просторов Атлантики, выпадает дождями. В это время происходит увлажнение степи. Пустыни зарастают травой. Степные реки, текущие со склонов Алтая, Тарбагатай. Тянь-Шаня и Памира, становятся многоводными. Балхаш и Аральское море наполняются водой и увеличиваются в размерах. Напротив, Каспийское море, получающее 81% воды из Волги, бассейн которой занимает среднюю полосу Европейской России, усыхает, сокращается в размерах. Количество осадков в бассейне Волги, как и во всей средней полосе, сильно сокращается. Здесь мелеют и исчезают реки, озера превращаются в болота и торфяники, стоят малоснежные суровые зимы, сменяющиеся сухим знойным летом. Далее к северу, в полярной зоне. Белое и Баренцево моря покрываются льдом, вечная мерзлота продвигается на юг, поднимая уровень озер в тундре.

С усилением солнечной активности затропический максимум начинает сдвигаться к северу, сдвигая в этом же направлении путь атлантических циклонов. Циклоны несутся над средней полосой Европы и Сибирью. Количество осадков в зоне степей сильно падает. Степь начинает усыхать. Балхаш и Аральское море мелеют и сокращаются. Наоборот, Волга становится широкой и многоводной, Каспийское море увеличивается в размерах, наполняясь водой.

Зима в лесной полосе становится многоснежной, мягкой, с частыми оттепелями, а лето – прохладным, дождливым.

В периоды наивысшей солнечной активности циклоны смещаются еще далее на север. Они проходят над Шотландией и Скандинавией к Белому и Карскому морям. Степь превращается в пустыни и полупустыни, граница ее лесной зоной продвигается на север. Волга

¹³ Там же, стр. 189.

мелеет, Каспийское море сокращается. Климат полярной зоны становится более теплым и влажным. Таковы три основных варианта пути атлантических циклонов, от которых прямо и непосредственно зависит история Великой степи. Изменения в направлении циклонов происходят постоянно, и мы теперь имеем возможность хронологически датировать периоды увлажнения и усыхания степей Евразии^[20].

Оставим в стороне глубокую древность и посмотрим, как изменялся климат степной зоны на протяжении интересующего нас периода. В IV–III вв. до н.э., к которым восходят древнейшие более или менее подробные письменные известия о народах Центральной Азии, был период увлажнения степи, связанный с южным вариантом прохождения циклонов. В это время уровень Каспийского моря был на 8 м ниже современного, хотя Узбой нес в него избыток вод Амударьи, не вмещавшийся в Аральское море. Затем постепенно количество осадков в степи стало падать: циклоны стали перемещаться в лесную зону. На I–III вв. н.э. падает эпоха усыхания степи. Балхаш и Аральское море сильно сократились, а уровень Каспия поднялся на 4 м.

В IV в. циклоны снова сместились на юг – и степь опять зацвела. Так продолжалось до XIII в. с небольшим периодом усыхания в IX в. С середины XIII в. путь циклонов передвинулся в среднюю полосу. К началу XIV в. Каспийское море поднялось на 8 м выше современного уровня. Великая степь вступила в период засушливого климата.

Циклоны на протяжении последующих столетий переместились в полярную зону, затем, в XVIII–XIX вв., вернулись в среднюю полосу, а в XX в., буквально на наших глазах, снова ушли на север¹⁴.

Нетрудно понять, какую огромную роль в истории кочевников Евразии играли подобные изменения климата степей. Скот не может жить без травы, трава – расти без воды, а кочевники – существовать без скота. Следовательно, все они составляют единую систему, в которой ключевым звеном является вода. При долговременной засухе пустыня Гоби наползает на степи, расширяется и становится труднопроходимым барьером между равнинами Ордоса и долинами Орхона, Онона и Селенги. При повышенном увлажнении переходит в наступление растительность. Она движется на пустыню и с юга и с севера, а вслед за травой идут дикие копытные, затем овцы, коровы и лошади, несущие всадников. А эти последние создают воинственные орды и могучие кочевые державы.

Дорога к истине

Вековые засухи степной зоны имели место в III в. и в X в. Последняя особенно важна для нашей темы, и о ней мы будем говорить ниже. Сейчас же нас интересует методический вопрос исторической науки: не потому ли эпоха между IX и XIII вв. осталась «темными веками», что не были замечены и учтены явления природы, которых авторы средневековых источников не могли заметить и описать, а также потому, что те же источники не содержат сведений о кочевниках Великой степи за этот период?

Да иначе и не могло быть! Периодические колебания увлажнения и иссушения степи происходят в течение веков и не могут быть замечены на протяжении жизни одного-трех поколений. Поэтому древние авторы писали о явлениях природы либо вскользь, либо исходя из представлений современной им науки. В обоих случаях сообщаемые ими сведения нельзя принимать без исторической критики, которая редко может быть достаточной в силу отрывочности сведений и изолированности источников друг от друга.

Разгадка здесь не в истории народов, а в историографии. Только немногие, наиболее талантливые книги по истории переписывались в большом количестве экземпляров, но и они

¹⁴ В. Н. Абросов Гетерохронность периодов...; Л. Н. Гумилев, Хазария и Терек; его же, Открытие Хазарии; его же, Роль климатических колебаний...; Les Fluctuations...; его же, New Data...

не все дошли до нас. Эпоха VI–VIII вв. была в Китае расцветом летописания. Борьбе с монгольским игмом тоже посвящены яркие сочинения, которые многократно переписывались и бережно хранились.

А в промежутке, после кровавого спазма периода «Пяти династий», во время расцвета китайского искусства и филологии при династии Сун^[21] вся энергия способных писателей эпохи была пущена на сюжеты, далекие от истории и географии. Деятели направления, которое академик Н. И. Конрад^[22] нарек «китайским Ренессансом», предались изучению классических книг Конфуция и творений его современников. Они писали каллиграфическим почерком многочисленные комментарии и изложения, в том числе и на хроники минувших династий, хорошо сдавали экзамены на чин и не менее удачно подводили под суд или опалу своих коллег. И никому в голову не приходило, что политическая география и история с этнографическим уклоном – это условие понимания реального положения государства, окруженного соседями с иным бытом и культурой.

Поэтому, как ни плохо справлялась империя Тан с задачами, которые ставила перед ней суровая действительность, но она удержалась в границах Китая, используя войска, на вербованные среди дружественных кочевников. За это китайские интеллигенты X–XIII вв. и обзывали танских императоров варварами, организуя суеверное поклонение кости Будды, якобы соучастнице его мышления, хотя одновременно они восторгались и победами их над тюрками. А при династии Сун дипломаты и полководцы, изучившие комментарии к Конфуцию и трактаты о Мэн-цзы^[23], становились в тупик, сталкиваясь с застенными варварами: тибетцами, тюрками, монголоязычными киданями и тунгусоидными чжурчжэнями. Они бодро совершали ошибку за ошибкой, выходили сухими из воды за счет высоких связей и предоставляли стране и народу расплачиваться за все слезами и кровью. Они умудрялись проигрывать войны при огромном численном перевесе, советовать правительству отдавать территории с населением слабому врагу, только чтобы экономить время и силы для гарема, и если писали историю, то только историю своего начальства, с целью получить от него солидную мзду.

Трижды прав был И. Н. Болтин^[24], еще в XVIII в. писавший: «При всяком шаге историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание»¹⁵. Исторические трактаты этого периода неполноценны. Впрочем, указанные недостатки метода характерны для многих исторических школ, пренебрегающих исследованием природы и характерных особенностей народов, населяющих те или иные страны и применяющихся к их ландшафтам и климату. За невежество в естественных науках всегда приходится дорого платить.

Но знание географии не означает признания концепции географического детерминизма, сформулированного Ш. Монтескье и несколькими авторами¹⁶. Тезис, положенный нами в основу географического анализа, совсем иной, а именно: историческая судьба народности (этнуса), являющаяся результатом ее (народности) хозяйственной деятельности, не определяется, но связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта¹⁷. Это не географический детерминизм, а историческая география, необходимая нам не для философских построений, а, с одной стороны, для того, чтобы восполнять пробелы аутентичных источников, а с другой – чтобы уличать их во лжи, в той самой лжи, из которой мы надеемся отжать правду.

¹⁵ Цит. по: В. К. Яценский Историческая география, стр. 274–275.

¹⁶ Л. Н. Гумилев Открытие Хазарии, стр. 146–148.

¹⁷ Л. Н. Гумилев Хазария и Терек, стр. 78.

Глава III. Путь через историю

На рубеже китайской стены

Хотя Китай вступил в соприкосновение с кочевыми народами, обитавшими севернее Хуанхэ, в глубокой древности, проследить характер этих взаимоотношений мы можем только с III в. до н.э. В эту эпоху произошло объединение Китая императором Цинь Ши-Хуан-ди (221 г. до н.э.) и сложение кочевой державы Хунну (209 г. до н.э.). Тогда же была построена китайская стена, разграничившая Китай и Великую степь. Стена была проведена не только по географической, но и по этнографической границе Китая; население, жившее к северу от стены, считалось китайцами «варварским», чужим как по происхождению, так и по образу жизни, а в политическом отношении враждебным, к чему были весьма веские основания. Именно там сложилась держава Хунну.

Территория, населенная хуннами. – современная Внутренняя и Внешняя Монголия, Джунгария и Южная Сибирь – была крайне удобна для кочевого скотоводства, так как при уровне техники того времени не могла быть использована для земледелия. Поэтому хозяйство хуннов было специализировано: они имели в избытке мясо, кожи и меха, но, как все кочевники, нуждались в хлебе и тканях. Легче всего было получать эти продукты из Китая путем меновой торговли, на что очень охотно шло китайское население, но между народами встало имперское правительство и его советники. Императорам династий Цинь и Хань требовались средства на содержание армии солдат и чиновников, и они взяли торговлю с хуннами в свои руки, вследствие чего хунны стали получать значительно меньше тканей и хлеба, чем им это было нужно¹⁸. Хунны на это ответили войной и к 152 г. до н.э. добились открытия рынков меновой торговли. В 133 г. китайцы возобновили войну и, пользуясь численным перевесом, оттеснили хуннов на север Гобийской пустыни. Однако попытка покорить хуннов закончилась в 90 г. до н.э. полным разгромом китайской экспедиционной армии¹⁹.

Новое наступление Китая на Хунну, начавшееся в 72 г. до н.э., проводилось путем дипломатии: китайцы сумели внести раскол в кочевые племена и поднять против Хунну их соседей: джунгарских усуней, саянских динлинов и хинганских ухуаней. Межродовая война, вспыхнувшая среди самих хуннов в 58 г. до н.э., облегчила победу Китая. Один из претендентов на престол вступил в союз с Китаем, а прочие погибли. Хунны в 52 г. до н.э. признали верховную власть Китая.

До тех пор пока китайская власть в степи была номинальной, мир сохранялся, но как только узурпатор Ван Ман в 9 г. н.э. попытался вмешаться во внутренние дела хуннов, они восстали и, сковав правительственные войска на границе, поддержали восстание «краснобровых» – китайских крестьян, жестоко угнетавшихся Ван Маном. Династия Младшая Хань, пришедшая к власти в 25 г., опять оказалась перед «хуннской проблемой». Только распадение державы Хунну на Северное и Южное, а также союз с сяньбийскими (древнемонгольскими) племенами, обитавшими в Маньчжурии и Восточном Забайкалье до III в. н.э., позволили китайцам создать коалицию, разгромившую Северное Хунну в 93 г. Но степь опять-таки не досталась китайцам. Вождь сяньбийцев, Таншихай, одержал ряд побед над китайскими войсками и даже перенес военные действия на южную сторону китайской стены. Все китайские завоевания к 177 г. были потеряны.

¹⁸ Л. Н. Гумилев Хунну, стр. 88–89.

¹⁹ Там же, стр. 139–142.

Естественно, что за истекшее время китайская политическая мысль была прикована к «хуннскому вопросу». Решений проблемы было предложено два! Историки Сыма Цянь и Бань Гу^{25} были противниками расширения агрессии в северном направлении. Сыма Цянь считал покорение страны, имеющей совершенно иной климат и рельеф, нежели тот, в котором привыкли жить китайцы, неосуществимым; Бань Гу находил включение в состав империи народа, чуждого по культуре, вредным, а ассимиляцию кочевников ненужной для обеих сторон²⁰. Но с мнением ученых императорское правительство не посчиталось, и они были арестованы; Сыма Цяня изуродовали, но освободили, а Бань Гу умер в тюрьме.

Возобладала вторая концепция, последовательно проводившаяся императорами династии Хань, начиная с У-ди (140–87 до н.э.).

Это было стремление создать мировую империю путем завоевания соседних народов и насаждения в их среде китайской культуры в ее конфуцианском варианте. Во исполнение этой программы были покорены Чаосянь (Северная Корея), Юе – северное и южное (в Гуандуне и Индокитае) – и кочевые тибетские племена около озера Кукунор. Однако война на севере не только оказалась неудачной, но и повлекла за собой полное экономическое истощение Китая. Великолепно экипированные армии, укомплектованные отборными воинами, руководимые часто очень способными полководцами, либо терпели поражения, либо не могли закрепить с трудом достигнутый успех. Ханьский Китай во II в. н.э. вступил в полосу жесточайшего социально-экономического и политического кризиса и не мог успешно бороться с кочевниками.

Расходы на войну усиливали налоговый гнет на крестьян, которые, наконец, ответили восстанием «желтых повязок», подорвавшим силу династии Хань (184 г.). Разложившиеся ханьские войска не могли справиться с повстанцами. Инициативу взяли на себя аристократы, члены «сильных домов». Победив крестьян, они разделились и, встав во главе отдельных армий, вступили в борьбу друг с другом и большей частью погибли в междоусобной войне. Трое уцелевших основали три царства, на севере, юго-востоке и юго-западе, на полвека разорвав Китай (220–280).

Так пала империя Хань, одна из четырех мировых империй (наряду с Римом, Парфией и Кушанской империей) древности^{26}.

Для Китая это была настоящая катастрофа. Достаточно сказать, что его население с 221 по 280 г. уменьшилось с 50 млн. налогоплательщиков до 7, 5 млн²¹. Города лежали в развалинах. При государственном перевороте Сыма Яня к власти пришли вместо землевладельцев и ученых-конфуцианцев безграмотные, морально разложившиеся солдаты, еще меньше понимавшие задачи своей страны²². Застенные земли перешли снова в руки кочевников, а кровавые распри между дворцовыми кликами поставили Китай на грань новой катастрофы.

Но, может быть, не Китай, а именно хунны были причиной жестокой войны, способствовавшей гибели империи Хань? Весьма распространено предвзятое мнение, что хунны были дикими разбойниками, обижавшими своих тихих, трудолюбивых соседей. Это представление зиждется на том, что в Европе хунны возглавили многочисленные племена угров, аланов, антов и германцев и положили начало «Великому переселению народов», во время которого пала Западная Римская империя. Впрочем, и здесь римляне отнюдь не были овечками, страдавшими от злодеев гуннов и других варваров. Варварам было за что мстить Риму^{27}.

Обстановка в Азии была несколько иной. Прежде всего отметим, что хунны стремились не к территориальным захватам, а к организации обменной торговли на паритетных началах. В 200 г. до н.э. они, окружив у деревни Байдын (в Шаньси)^{28} отряд, сопровождавший китай-

²⁰ Там же, стр. 4.

²¹ Н. Я. Бичурин Собрание сведений по исторической географии..., стр. 658.

²² Л. Н. Гумилев Троецарствие в Китае.

ского императора, выпустили последнего, заключив с ним договор «мира и родства» без каких-либо территориальных уступок. Хунны основывались на том, что, захватив китайские земли, они не смогли бы на них жить²³. Так же равнодушно восприняли они отложение усуней, переселившихся в Семиречье и Западный Тянь-Шань²⁴. Но свои земли они защищали отчаянно и, потеряв Иньшань^[29], «плакали, проезжая мимо него»²⁵. Их войны с Китаем были не наступательными, а оборонительными.

Кроме того, хунны сумели создать в степи условия жизни значительно более легкие, нежели те, которые имели место в древнем Китае. В докладе чиновника Хоу Ина (I в. до н.э.) указано, что пограничные жители, угнетаемые китайскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать в степи, говоря, что «у хуннов весело жить»²⁶. Такого разноплеменного населения в державе хуннов скопилось так много, что они образовали самостоятельную этническую единицу, которую китайские историки считали племенем «цзылу»²⁷. Ассимиляции с коренным хуннским населением произойти не могло, так как пришельцы не входили в хуннскую родо-племенную систему, но они жили в мире и дружбе, помогая друг другу в хозяйственной деятельности и обороне своей страны.

Неправильно думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники вообще, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие предметы, которые ныне вошли в обиход всего человечества как нечто неотъемлемое от человека. Такой вид одежды, как штаны, без которых современному европейцу невозможно представить себе мужской пол, изобретены кочевниками еще в глубокой древности. Стремя впервые появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг.²⁸. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках сменилась сначала коляской на высоких колесах²⁹, а потом вьюком, что позволили кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты³⁰. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая тяжелый прямой меч, и усовершенствованный длинный составной лук, метавший стрелы на расстояние до 700 м. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным видом жилища^[30].

Не только в материальной культуре, но также и в духовной кочевники не отставали от оседлых соседей, хотя литература их была устной. Конечно, было бы нелепо искать у хуннов научные теории: их даже греки заимствовали у древних египтян и вавилонян. Кочевники создали два жанра сказаний: богатырскую сказку и демонологическую новеллу. И то и другое было ближе к мифологии, нежели к литературе в нашем смысле слова, но они этим способом воспринимали действительность и выражали свои чувства. Иными словами: мифология несла у них те же функции, что у нас – литература.

Подобным образом, т.е. непохоже на нас, кочевники воспринимали и историю. Она представлялась им в виде развернутой генеалогии рода; эталоном было не событие или институт, а мертвый предок. Для европейцев такой счет поколений кажется бессмысленным, но ведь он тоже отражает течение времени, как и любая принятая в науке система отсчета. Просто он приспособлен к другим целям и потребностям, которые вполне удовлетворяет. При этом надо помнить, что данные о фольклоре и истории древних кочевников получены нами за счет

²³ Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах... т. I, стр. 51.

²⁴ Л. Н. Гумилев Хунну, стр. 86.

²⁵ Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах... т. I, стр. 95.

²⁶ Там же, стр. 94.

²⁷ E. Chavannes, Les pays d'Occident..., стр. 522–526.

²⁸ К. А. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, History..., стр. 505.

²⁹ С. В. Киселев Древняя история южной Сибири, стр. 161; С. И. Руденко Культура населения Горного Алтая в скифское время стр. 229, 232–234, рис. 143, 144, 145, 146.

³⁰ Г. Е. Грумм-Гржимайло Исторический атлас Монголии.

этнографических аналогий, фрагментарных сведений и т.п. и, следовательно, очень приближительны. Зато произведения изобразительного искусства дошли до нас в оригиналах и дают несравненно более полное представление о том, что было в древних степях на самом деле. Раскопками П. К. Козлова, С. В. Киселева и С. П. Руденко вскрыты великолепные памятники искусства, так называемый «звериный стиль», позволившие констатировать культурную близость хуннов с народами Сибири и Средней Азии³¹^[31]. В курганах часто встречаются и китайские вещи: шелковые ткани, бронзовые навершия и лаковые чашечки. Это были предметы повседневного обихода, попадавшие к хуннам как добыча или дань, а также выделявавшиеся китайцами, перебежавшими к хуннам (цзылу). Однако такие вещи отнюдь не определяют направления развития культуры³².

Мы так подробно остановились на этой теме, чтобы отвергнуть обывательское мнение о пресловутой неполноценности кочевых народов Центральной Азии, якобы являвшейся китайской периферией³³. На самом деле эти народы развивались самостоятельно и интенсивно и только китайская агрессия I в. оборвала их существование, что было, как мы уже видели, одинаково трагично для Хунну и для Китая. Но историческое возмездие не заставило себя ждать.

В 304 г. старейшины южных хуннов, попавшие в подданство к Китаю, приняли решение оружием вернуть утраченные права. Пользуясь беспорядочным управлением династии Цзинь, они быстро овладели обеими китайскими столицами – Лояном и Чаньяню – и всем Северным Китаем. Вслед за хуннами в Китай проникли тибетцы, сяньбийцы – муюны и табгачи (тоба)³⁴. После кровавой борьбы между собою и с китайцами, оттесненными в бассейн Янцзы, тоба одержали верх и основали могущественную империю, официально принявшую китайское название – Вэй. Это государство в глазах кочевого населения степей было китайским, а в глазах китайцев – варварским. По существу же оно открыло особый ряд пограничных образований, которые нельзя относить ни к той, ни к другой культуре, хотя все они³⁵ состояли из сочетания китайских и кочевнических элементов. Но это была уже не родо-племенная держава, а феодальная империя с условным землевладением, закрепощением свободного населения и раздачей областей за службу.

С 495 г. в государстве Вэй китайский язык заменил тобаский в управлении, а сяньбийская одежда и прическа были официально запрещены. Однако все эти меры не примирили покоренное силой оружия китайское население с чужеземной властью. Будучи слишком слабыми для организации восстания, китайцы проникли в администрацию и войско. Постепенно фактическая власть сосредоточилась в руках воевод китайского происхождения, и в 550 г. они упразднили династию Вэй, члены которой, включая грудных детей, были изрублены на мелкие кусочки и брошены в Желтую реку. Китай опять стал китайским, но потомки табгачей, уже забывшие родной язык, продолжали жить вдоль китайской стены, на границе со степью.

А в степи в это время возникла новая держава, значительно более могущественная, чем Хунну. Великий тюркский каганат за короткое время, с 550 по 569 г., объединил степи от Желтого моря до Черного и присоединил к ним Среднюю Азию, впрочем, с согласия населявших ее согдийцев. Согдийцы богатели за счет караванной торговли шелком, который они переправляли из Китая в Европу. Как только тюркские ханы прекратили внутренние войны и грабежи в степи, согдийцы стали их искренними друзьями и помощниками^[32].

³¹ С. И. Руденко Культура хуннов и Ноинулинские курганы.

³² С. И. Руденко, Л. Н. Гумилев Археологические исследования П. К. Козлова... стр. 241–243.

³³ См.: Вестник древней истории. 1962. № 3, стр. 202–210; ср.: Народы Азии и Африки. 1962. № 3, стр. 196–201.

³⁴ См.: Н. Я. Бичурин Собрание сведений по исторической географии... стр. 658–662; Шан Юэ. Очерки истории Китая, стр. 142–143; R. Grousset L'Empire des steppes, стр. 95–103.

³⁵ К их числу мы причисляем империи Тан и Ляо (киданей), потерявших связь со степью, но не Юань и Цин, опиравшихся на родные земли вплоть до падения.

Но совершенно иначе отнеслись к образованию тюркского каганата в Китае, где в 581 г. власть досталась клике шэньсийских магнатов-землевладельцев, вождем которых был Ян Цзянь, основатель династии Суй^[33]. Программой этой династии стало восстановление былой мощи империи Хань, а следовательно, и война с тюрками. Словом, повторилась коллизия I в., с той лишь разницей, что вместо межплеменных усобиц китайские лазутчики (Чжан-сунь Шэн, Фэй Гю) разжигали распри между удельными князьями тюркского правящего рода.

Следующие три века были наполнены событиями, главным содержанием которых являлась борьба свободолюбивых кочевников против китайской агрессии. Тюрки общались с многими народами, но ни Византия, ни Иран, ни тем более сибирские угры^[34] не пытались подчинить их себе, ограничиваясь установлением дипломатических связей и охраной собственных границ. В свою очередь тюрки, вступая в вооруженные столкновения с персами или греками, преследовали экономические и политические цели, связанные с караванной торговлей. Эти столкновения были исторически неизбежны, потому что, объединив Великую степь, тюрки приняли на себя политические задачи народов, вошедших в Великий каганат³⁶.

Совершенно иначе сложились отношения тюрков и Китая, где антитюркские настроения стали с VI в. доминирующей внешнеполитической тенденцией. Основной задачей китайских феодалов и чиновников стало установление власти над Азией, что некогда было целью династии Хань. Они не искали компромиссных решений и не хотели их. Даже крах династии Суй и бедствия, перенесенные их страной и народом³⁷, не заставили китайских феодалов отказаться от этой безумной затеи. Побежденные в гражданской войне собственными пограничными войсками, потомками табгачей, установившими приемлемый на первых порах и для тюрков и для китайского народа режим династии Тан, они путем интриг и заговоров повернули политику в привычное русло, чем вызвали восстания Кутлуга Эльтерес-хана³⁸ и Ань Лушаня³⁹, снова залившие кровью Китай. В последующем веке (764–861 гг.) китайцы тщетно пытались удерживать ключевые позиции в Великой степи и снова добиться гегемонии. Уйгуры отстаивали независимость своей родины, а тибетцы, взяв китайские крепости в Шэньси, уничтожили самую возможность реванша. И хотя ни уйгурское ханство, ни тибетская монархия не пережили династии Тан, китайская агрессия была остановлена.

В этой жестокой борьбе – объяснение мнимой застойности народов Срединной Азии. Они не уступали европейцам ни в талантах, ни в мужестве, ни в уме, но силы, которые другие народы употребляли на развитие культуры, тюрки и уйгуры тратили на защиту своей независимости от многочисленного, хитрого и жестокого врага. За 300 лет они не имели ни минуты покоя, но вышли из войны победителями, отстояв родную землю для своих потомков.

Не менее примечательно общее для всех народов Центральной Азии неприятие китайской культуры. Тюрки имели свою собственную идеологическую систему, которую они отчетливо противопоставляли китайской. После падения Второго каганата в Азии наступила эпоха смены веры. Тогда уйгуры приняли манихейство, карлуки – ислам, басмалы и онгуты – несторианство, тибетцы – буддизм в его индийской форме, а китайская идеология не перешагнула через Великую стену.

³⁶ М. И. Артамонов История хазар, стр. 133 и сл.

³⁷ Шан Юэ. Очерки истории Китая, стр. 188–197

³⁸ Необходимо учитывать, что все завоевания империи Тан на западе и на востоке были совершены кочевниками, называвшими фактического основателя этой династии «Табгачский (т.е. Тобасский) хан» (см.: Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 221), так как он происходил из тюркского рода (Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах..., т. I, стр. 355). Но его преемник Гао-цзун (650–683) очень скоро утратил то, чего с таким трудом добился его отец, вернувшись к политике традиционного китайского высокомерия. Последствием этого было создание Второго тюркского каганата (679–745) и потеря Китаем гегемонии в Восточной Азии, оказавшейся эфемерной (Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия... т. II, стр. 218).

³⁹ Ань Лушань, сын согдийца и тюркской княжны, сделал карьеру в танской армии от солдата до генерала. В 756 г. он возглавил мятеж трех корпусов, укомплектованных кочевниками, составлявшими ударную часть армии. После подавления движения в 763 г. Китай оказался не в состоянии продолжать завоевательную политику и перешел к обороне.

Степное византийство

Когда мы произносим слово «Византия» без каких бы то ни было пояснений и добавлений, то содержание понятия бывает различным. Может оказаться, что Византия – это Восточная Римская империя, реликт былого величия, на протяжении тысячи лет катившийся к упадку. Так понимали термин «Византия» и Гиббон и Лебо^[35], называвший это государство *Bas-Empire*, а также Владимир Соловьев. Может быть, под этим термином подразумевается греческое царство, возникшее как антитеза выродившейся античности, имевшее свои собственные ритмы развития, свои светлые и теневые стороны. Такой видели Византию Успенский, Кулаковский и Шарль Диль^[36].

А может быть, Византия просто огромный город, средоточие торговли и образованности, воздвигшийся на берегах голубого моря и окруженный выжженными горами, где полудикое население веками пасло коз и снимало оливки и виноград? Это тоже закономерное понимание термина, но мы в нашей работе хотим использовать его четвертое значение: Византия – культура, неповторимая и многообразная, выплеснувшаяся далеко за государственные границы константинопольской империи. Брызги ее золотого сияния застывали на зеленых равнинах Ирландии (Иоанн Скотт Эригена), в дремучих лесах Заволжья (Нил Сорский и нестяжатели)^[37], в тропических нагорьях вокруг озера Цана (Аксум)^[38] и в Великой Евразийской степи, о которой и пойдет речь.

В таком понимании термина «Византия» не только город Константинополь и подвластная ему страна, и даже не только халкедонское исповедание, но целостность, включающая в себя равно православных и еретиков: монофизитов и несториан, христиан и гностиков (маркионитов и манихеев, о которых тоже будет упомянуто). То, что перечисленные течения мысли боролись между собою, не противоречит предложенному значению термина, ибо идейная, да и политическая борьба – тоже вид связи, форма развития.

Христианская религиозная мысль с самого момента своего возникновения растеклась на множество струй, из которых большая часть высохла, а некоторые превратились в мощные потоки. Небольшая группа иудео-христиан, т.е. евреев, признавших пришествие Мессии, исчезла без следа. Зато проповедь апостола Павла, обращенная к просвещенным язычникам, обрела многих неопитов. Эллинов особенно поразила идея, дотоле им чуждая, о существовании стихии зла, и они начали трактовать ее по-разному: наиболее образованные и умеющие мыслить последовательно возложили ответственность за все несправедливости и несчастья мира на особу, его сотворившую, и с раздражением называли ее «демиургом», т.е. ремесленником. Они считали, что демиург – не очень крупный демон, сотворивший мир и человека (Адама) для того, чтобы Адам жил в неведении и был для него, демиурга, игрушкой. Но мудрый змей просветил Адама и помог ему добиться свободы, за что демиург мучит потомков Адама и Евы.

Это течение мысли положило начало гностицизму, религиозно-философской концепции, рассчитанной на людей мудрых и образованных (гносис – знание). Можно опустить описание трех главных направлений гностицизма: египетского, сирийского и маркионитского (от имени христианского гностика Маркиона) – и остановиться только на изящной концепции персидского мыслителя Мани (III в. н.э.), объединившего идеи христианские, зороастрийские и даже индийские. Мани учил, что существует «беснующийся мрак» – пространство вечной тьмы, имеющей сгустки еще более темные, чем вмещающая их среда. Эти скопления мрака движутся беспорядочно, как молекулы в броуновском движении, но однажды они случайно приблизились к краю своего пространства, к границе «вечного Света» и попытались проникнуть туда, чтобы омрачить «царство Света». Против них вышел сражаться носитель светлого начала, которого Мани называет «Первочеловек» и придает ему качество Ормузда. Силы мрака побе-

дили, растерзали «Первочеловека» и облекли тьмой частицы Света, которые теперь томятся в плену. На выручку этим частицам, т.е. душам, приходил Христос, а вслед за ним он, Мани, воплощение Святого Духа, Параклета-Утешителя. Цель их прихода – освобождение душ от материи – кристаллизованной тьмы; отсюда вытекает, что все материальное, все, что привязывает человека к миру и жизни, – греховно.

С этой концепцией боролись христиане, утверждавшие, что создатель мира благ, а мир, созданный им, прекрасен. В противовес возникли монистические мысли: неоплатонизм, утверждавший, что материя – ничто (мэон), а мир – это истечение из божественной Плеромы – полноты всего сущего, и христианский монизм в учении Оригена, проповедовавшего, что после светопреставления и Страшного суда по милосердию божьему дьявол будет прощен.

Православная мысль к IV в., усвоив отдельные элементы всех перечисленных концепций, выкристаллизовывалась в особую философию. Но тогда начались новые затруднения, уже чисто богословского, а не философского характера, отразившиеся в жестокой борьбе на вселенских соборах.

Появились четыре направления христианской мысли: арианское – распространившееся среди германских племен, несторианское – наиболее важное для нашей темы, монофизитское – возникшее как антитеза несторианству, и халкедонитское^[39] (от места, где происходил IV собор) – ставшее господствующим исповеданием Византийской империи.

Вулканом вольномыслия в первые века нашей эры был Передний Восток. В начале IV в. александриец пресвитер Арий выступил с проповедью, что Христос-Логос меньше своего отца, ибо он сын и, значит, рожден. Архиепископ Александр и его диакон Афанасий возражали Арию, указывая, что слово «рожден» к божественной сущности неприменимо, и обвинили его в ереси Павла Самосатского, учившего, что Христос был человек, осененный божественной мудростью. Спор быстро перерос в гражданскую войну, причем одни императоры поддерживали ариан, а другие – православных. Одновременно проповедовали свои учения гностики, неоплатоники, митраисты, и все боролись против всех.

Не следует думать, что представители этих учений были неискренни в своих привязанностях к исповеданиям веры. В те времена потребность в логически-последовательном мировоззрении была очень острой⁴⁰.

Конечно, не случайно, что наиболее рационалистические и буквалистские толкования догмы религии были связаны с антиохийской школой, философские – с александрийской, а эмоционально-эстетические – с константинопольской, где эллинский элемент среди населения был преобладающим. Но нам нет необходимости далее останавливаться на перипетиях религиозной борьбы в Римской империи, а можно сосредоточить внимание на проникновении этой бурлящей, раскаленной мысли на Дальний Восток и в бескрайние пространства Великой степи⁴¹.

После того как в 277 г. в Гундишапуре, резиденции персидского шаха, принял мученический венец мыслитель и писатель Мани, объявивший себя наследником Христа и Параклетом, замученный мобедами, зороастрийским духовенством, его последователи вынуждены были бежать из Персии, но на западе манихейство подвергалось постоянному гонению и ушло в подполье⁴². На востоке манихеи нашли приют в Трансоксании^[40] и в оазисах вдоль великого караванного пути⁴³.

⁴⁰ «И ариане и православные обвиняли друг друга в нелогичности; характерным для их спора было обращение к разуму» («История Византии», I, стр. 169).

⁴¹ Христианство проповедовалось в Средней Азии еще до арианских споров, так как первое упоминание епископии города Мерва датируется 334 г. (R.Grousset. Histoire de l'Extreme-orient, vol. I, стр. 353). С 420 г. она стала митрополией.

⁴² F. Cumont La propagation...

⁴³ В. В. Бартольд О христианстве в Туркестане..., стр. 6, 18.

В 431 г. на вселенском соборе в Ефесе был предан анафеме константинопольский патриарх Несторий, неосторожно заявивший, что «у Бога нет матери». Его победители немедленно вступили в борьбу между собою, но как монофизиты, так и православные халкедониты были единодушно нетерпимы к несторианству. Особенно обострилась вражда после 484 г., когда на соборе в Бит-Запате несторианство было признано господствующим исповеданием персидских христиан, в том числе и прихожан Мервской митрополии^[41]. Поддержка персидского шаха для византийских несториан оказалась роковой. В 489 г. император Зенон подтвердил осуждение несториан и закрыл эдесскую школу, где несториане преподавали свое учение. Школа переехала в Персию, в Низиб, а в 499 г. в Ктезифоне^[42] возникла несторианская патриархия, расцветшая в VI в.⁴⁴

Из Персии несториане широко распространились по Восточной Азии. В VI в. христиане проповедовали свою веру среди кочевых тюрок не без успеха. Тюрки, захваченные в плен византийцами в битве при Балярате в 591 г., имели на лбах татуировку в виде креста и объяснили, что это сделано по совету христиан, живших в их среде, чтобы избежать моровой язвы⁴⁵. Этот факт отнюдь не говорит о распространении христианства среди кочевых тюрок VI в., но позволяет констатировать нахождение христиан в степи.

В 635 г. несторианство проникло в Китай и было встречено правительством весьма благожелательно⁴⁶. Первые императоры династии Тан, Тай-цзун и Гао-цзун, покровительствовали христианам и позволяли им строить церкви. Во время узурпации престола императрицей У Цзэ-тянь, связанной с буддистами, на христиан началось гонение, но узурпаторша была быстро лишена власти сторонниками династии Тан. В 714 г. в империи Тан император Сюань-цзун указом запретил буддизм, а в 745 г. разрешил проповедь христианства⁴⁷. С этого времени несторианство начало распространяться в Джунгарии, находившейся под контролем империи Тан, и обретать неофитов среди кочевников, главным образом басмалов, но довольно долго его успехи были незначительны.

Распространяющееся несторианство встречало сопротивление не со стороны местных религий, пришедших в упадок после падения Тюркского каганата, а от подобных ему прозелитических религий: буддизма, ислама, манихейства и бона. Первые две религии долгое время не находили последователей в степи. Тоньюкук воспрепятствовал пропаганде буддизма на том основании, что «Учение Будды делает людей слабыми и человеколюбивыми»⁴⁸, а тюркешский хан Суду ответил послу халифа Хишама (724–743) так: «Среди моих воинов нет ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни»⁴⁹. Ислам представлялся кочевникам исключительно городской религией, и они относились к нему так же, как и бедуины Аравии век назад. Зато манихеи, изгнанные в 732 г. из китайских владений императором Сюань-цзуном⁵⁰, нашли сторонников среди уйгуров и поддержали хана Моянчура в тяжелой внутренней войне⁵¹.

Поскольку христиане оказались противниками уйгурского хана, то после победы он склонился на сторону манихеев, которые его поддержали. Вскоре Уйгурия^[43] быстро превратилась

⁴⁴ Н. Пигулевская Мар Аба I.

⁴⁵ Феофилакт Симокагта. История, стр. 130–131.

⁴⁶ P. Pelliot Chretiens...

⁴⁷ См., например: Р.Хенниг. Неведомые земли, стр. 105; P.Y. Saeki. The neslorian documents..., стр. 457.

⁴⁸ Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах... т. I, стр. 274.

⁴⁹ В. В. Бартольд О христианстве в Туркестане..., стр. 9.

⁵⁰ R. Grousset Histoire de l'Extreme-Orient, vol. I, стр. 352.

⁵¹ Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 382.

в теократическую державу, где правила манихейская община⁵². Хану оставили только военные дела.

Манихеи, оказавшись у власти, проявили такую религиозную нетерпимость⁵³, что рассорились со всеми соседями: тибетскими буддистами и последователями религии бон, сибирскими шаманистами, мусульманами, китайцами и, уж конечно, несторианами. Здесь мы не будем проследивать политическую историю Уйгурии, отметим лишь, что, когда эта страна была сокрушена в 840–847 гг. кыргызами^[44], вместе с ней погибла и манихейская община⁵⁴. Опустевшие после ухода уйгуров на юг степи постепенно заселились монголоязычными племенами. Культурная традиция на время оборвалась, но как только восстановился кое-какой порядок, несторианство буквально затопило Центральную Азию.

Зато в Китае, где несторианство было терпимо с 635 г.⁵⁵, в 945 г. специальным указом Танского правительства оно было объявлено вне закона вместе с буддизмом и манихейством. Это событие совпало с разгромом Уйгурии, в которой до сих пор Китай нуждался как в союзнике и которая охраняла интересы и жизнь кочевников, обитавших в пределах Срединной империи⁵⁶. Последовавшим за указом гонениям христиане оказали куда более сильное сопротивление, чем буддисты и манихеи. Но позиции христианства в Китае были сильно подорваны. В 987 г. христианский монах, вернувшийся в Константинополь с Дальнего Востока, рассказал, что «христиане в Китае исчезли и уничтожены по разным причинам и что только он один убежал»⁵⁷. Можно быть уверенным, что здесь имеется некоторое преувеличение и что осколки несторианства оставались на северной границе Китая вплоть до начала XI в., когда развернулась интересующая нас вторая волна христианской экспансии на Дальнем Востоке.

Буддизм выдержал натиск куда более успешно, чем христианство. И даже манихейство не было полностью подавлено, хотя для того, чтобы удержаться, оно прибегло к обману. Манихеи начали притворяться буддистами. Сначала это была сознательная мимикрия: нельзя же было, в самом деле, каждому неопиту объяснить, что он вступает в запрещенную правительством общину, которая маскируется под буддийскую, будучи в действительности манихейской! Такими разъяснениями можно было только оттолкнуть неопитов, да еще и нарваться на предателей. Поэтому, выдавая себя за буддистов и соблюдая соответствующий декорум, китайские манихеи постепенно слились с буддистами, и даже такие ученые, как Бируни^[45], перестали различать их⁵⁸. Особенно интенсивным было это смешение в тех областях, где позже возникло Тангутское царство: манихейские божества светил в буддийском облике обнаружены на иконах Хара-хото⁵⁹.

Итак, в аспекте борьбы мировоззрений влияние китайской и мусульманской культур в степи было ограничено и остановлено византийской культурой, понимаемой в самом широком смысле. И самое любопытное в этом явлении было то, что успех «степного византизма», т.е. проникновение христианства и манихейства в степь, нельзя подвести под рубрику «культурных влияний». Всякое влияние предполагает какую-нибудь форму принуждения, хотя бы моральную, интеллектуальную, эмоциональную. А кочевники были всегда очень чувствительны к

⁵² E. Chavannes et P. Pelliot? Un traite manicheen... Vol. 1.

⁵³ Например, они называли Будду бесом (см. E. Chavannes et P. Pelliot. Un traite manicheen..., стр. 193) и изображали в кумирнях демона, которому Будда моет ноги (В. П. Васильев Китайские надписи в орхонских памятниках. т. III, стр. 23).

⁵⁴ Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 428–431. Так, ибн Бахр сообщает, что в середине IX в. в столице уйгуров живут тюрки «зороастрийцы и зиндики», а в X в. манихейский храм в Уйгурии рассматривался как исключительное явление (А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX–X вв, стр. 428, 435).

⁵⁵ P. Pelliot? Chretiens... стр. 624.

⁵⁶ J. Marquart, Guwaini's Bericht..., стр. 480; E. Chavannes et P. Pelliot Un traite manicheen..., стр. 284 и сл.

⁵⁷ A. Moule, Christians in China..., стр. 76; P. Pelliot Chretiens... p.628.

⁵⁸ K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, History..., стр. 308.

⁵⁹ С. М. Кочетова Божества светил в живописи Хара-хото, стр. 471–502.

любым формам принуждения и умели весьма успешно отбиваться от них. Но Византийская империя, находясь далеко от степей Центральной Азии, не давила и не могла давить на кочевников. К тому же проповедь христианства среди кочевников вели те, кого в самой Византии считали еретиками. Поэтому распространение христианства в степи было не «культурным влиянием», а пересадкой идейных ценностей^{46}.

Универсализм христианства, в котором «несть ни варвар, ни скиф, ни еллин, ни иудей», привился в кочевом мире, потому что он не третировал кочевников как неполноценных людей и не вел к подчинению чужому хану, будь то «Сын Неба» или «Наместник пророка». Напротив же, победа «китайского гуманизма»⁶⁰

⁶⁰ Н. И. Конрад Запад и Восток, стр. 127.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.